

Глава 6

Следующие несколько дней, едва закончив с дневной работой, Чжун Мин неизменно попадал в лапы к Паучихе-виконтессе, которая требовала расчесывать её шёрстку.

Первые два дня он покорно следовал за огромной паучихой, лишь бы избежать встречи с Джеком, но на третий день усталость взяла своё. Ноги подкашивались, и единственным его желанием было найти любой укромный угол и уснуть, однако две хелицеры госпожи мёртвой хваткой вцепились в воротник его рубашки и поволокли в покои.

Паучиха-виконтесса, уютно устроив подбородок на коленях юного слуги, наслаждалась нежными прикосновениями гребня и довольно урчала. В отличие от неё, Чжун Мин, не спавший уже трое суток, чувствовал себя на грани истощения, а его глаза налились кровью.

— Эй.

За завтраком Мэтью едва успел подхватить голову Чжун Мина, которая едва не окунулась в супницу.

Брюнет нахмурился, его зелёные глаза внимательно изучали юношу.

— Что с тобой? Опять не спал?

Сидевший напротив Тао презрительно хмыкнул. Чжун Мин очнулся и потёр покрасневший лоб.

— Прости... спасибо.

Мэтью отнял руку, его взгляд скользнул по тёмным кругам под глазами Чжун Мина. Тао тоже смотрел на него, его узкие глаза за стёклами очков насмешливо сощурились, а уголки губ скривились в издевательской усмешке. Чжун Мин знал, что тот не упустит случая съязвить или очернить его, и потому заговорил первым, опережая выпад:

— Госпожа всё время просит меня расчёсывать её.

Лицо Тао, которого так бесцеремонно перебили, мгновенно потемнело. Чжун Мин опустил глаза и тихо добавил:

— Я не спал уже три дня.

Последние слова прозвучали почти беззвучно, в них слышалась безграничная усталость. Госпожа Мэри, сидевшая напротив, оторвала от газеты пронзительный взгляд и нахмурилась.

— Чего ты жалуешься? Служить госпоже — твоя прямая обязанность!

Чжун Мин хотел было возразить, что он не жалуется, а лишь отвечает на вопрос Мэтью, но, увидев суровое лицо госпожи Мэри, промолчал, лишь невольно поджав губы.

Это, к его удивлению, разозлило её ещё больше. Она с шумом сложила газету.

— Что сказать хочешь — говори! Что за вид ты сделал? Перед кем тут разыгрываешь обиженного?!

Чжун Мин не понимал, чем именно его вид так рассердил госпожу, и, не зная, что ответить, после долгого молчания выдавил:

— Я... я хотел бы немного отдохнуть.

Госпожа Мэри впиалась в него взглядом, её иссохшее лицо окаменело. Чжун Мину стало не по себе. Наконец она произнесла:

— ...Хорошо. В виде исключения, можешь сегодня отдохнуть.

Бросив эту фразу, госпожа Мэри резко поднялась и просеменила прочь, бормоча себе под нос:

— Губы надул, будто его кто обидел...

Услышав это, Чжун Мин невольно коснулся своих губ. Неужели? Сидевший рядом Мэтью тихо рассмеялся. Когда Чжун Мин обернулся, тот сдержал улыбку и поднялся с места.

— Пойдём, я провожу тебя в твою комнату.

Тао снова презрительно фыркнул, с оглушительным скрежетом отодвинул стул и, хлопнув дверью, вышел. Чжун Мин, уже привыкший к его выходкам, покорно встал и последовал за Мэтью.

Впервые за долгое время он снова спускался в подвальные помещения.

Воздух вновь наполнился знакомым запахом плесени. Солнечный свет остался наверху, а старые деревянные ступени скрипели под ногами Мэтью, отчего казалось, будто даже тусклое освещение ламп стало ещё мрачнее. Чжун Мин шёл следом, глядя на профиль юноши, и

заметил, как его брови непроизвольно сошлись на переносице.

«Видимо, ему тоже не по душе спускаться сюда», — подумал Чжун Мин. Условия жизни прислуги верхних и нижних этажей отличались разительно. Что же было причиной такой огромной разницы?

Вскоре Мэтью остановился перед одной из комнат. Старая деревянная дверь тихо скрипнула. Чжун Мин, стоя за порогом, вглядывался внутрь сквозь висевшую в воздухе пыль.

Комната, тускло освещённая, располагалась в полуподвале. Как и в столовой для прислуги, лишь под самым потолком северной стены тянулась узкая полоска окна, сквозь которую пробивалось несколько бледных лучей, ложившихся на серый пол.

Внутри стояли две железные двухъярусные кровати, рассчитанные на четверых. Все они были застелены одинаковыми белыми простынями, с такими же подушками и одеялами. Оглядев обстановку, Чжун Мин с облегчением вздохнул: общежитие оказалось лучше, чем он себе представлял.

В его памяти смутно возник образ другой комнаты, возможно, из университетского общежития прошлой жизни — там стояли трёхъярусные койки, как в поезде, и их было гораздо больше.

— Это твоя комната, — раздался голос Мэтью. Он нахмурившись огляделся и повернулся к Чжун Мину.

Тот всё ещё пытался вспомнить, сколько же человек жило в его университетской комнате, и со стороны казалось, что он просто застыл на месте.

— ...Ничего. — Чжун Мин вдруг ощутил, как чья-то рука легла ему на поясницу и мягко подтолкнула внутрь. Мэтью провёл его к одной из кроватей. — Это твоя.

Взгляд Чжун Мина упал на простыню, пахнущую хлоркой. Нижняя полка — уже хорошо.

В этот момент чья-то рука легла ему на плечо. Мэтью наклонился, и его тёплое дыхание коснулось уха.

— Не переживай, — прошептал он. — Перекантуйся пока здесь, а через несколько дней...

Остаток фразы потонул в неясном шёпоте. Чжун Мин непонимающе поднял на него глаза, но Мэтью лишь улыбнулся.

— Отдыхай.

Деревянная дверь закрылась, погружая комнату в ещё больший мрак. Чжун Мин смотрел на закрытую дверь, но не успел даже задуматься над словами Мэтью, как волна непреодолимой сонливости накрыла его. Не раздеваясь, он рухнул на кровать, уткнулся лицом в жестковатую подушку и почти мгновенно провалился в сон.

Чжун Мину приснился сон.

Та же тусклая комната, тот же воздух с привкусом сырости, то же одеяло, задубевшее от частых стирок. Он лежал в прохладной постели и смотрел на пылинки, парящие в воздухе, — крошечные светящиеся точки, казавшиеся ему маленькими эльфами.

Вдалеке виднелось огромное витражное окно, за которым угадывался остроконечный шпиль колокольни. Пусть и скромной, но гордо увенчанной маленьким крестом.

Наверное, из-за холода ему совсем не хотелось вставать. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем раздался глухой удар колокола.

Дон... дон... дон...

Всего три удара.

Чжун Мин нутром почуял: сейчас придёт сестра-настоятельница.

И точно, цокот каблучков становился всё ближе, и вскоре в поле его зрения появился край чёрной рясы.

— Сяо Мин, вставай скорее, только тебя и ждём.

Голос был холодным и немного строгим. Чжун Мин отреагировал бессознательно — натянул одеяло на голову.

Увидев это, женский голос немного смягчился.

— Быстрее.

Она присела на край его кровати и похлопала по бугорку, образовавшемуся под одеялом.

— Опоздаешь — останешься без завтрака. А не будешь есть — не вырастешь.

Чжун Мин не двигался. Он помнил, что часто поступал так в детстве: когда было холодно, валялся в постели и пропускал завтрак, который и так был не слишком сытным.

Сестра, казалось, была бессильна. Она вздохнула и уже сильнее толкнула его.

— Чжун Мин, не ленись, вставай, все ждут...

Её действия становились всё настойчивее, толчки — всё сильнее, а голос искажался, превращаясь в жуткое эхо. Чжун Мина трясли так, что разболелась голова. Не в силах больше терпеть, он резко открыл глаза.

Перед ним возникло лицо Ли Ичжи.

— О, наконец-то проснулся, — высокий азиат сидел на корточках у его кровати и, улыбаясь, щурил свои глаза-фениксы. — Спал как сурок.

Чжун Мин ошеломлённо смотрел на него. А затем рывком сел на кровати.

— Ай! — Ли Ичжи, получив удар лбом в нос, вскрикнул от боли. — Ты чего?!

— Я вспомнил, — проговорил Чжун Мин, всё ещё пребывая в оцепенении. В его голове проносились картины из сна: холодное, скромное аббатство, где его воспитывали монахини. — Я сирота. Меня оставили у колокольни церкви... Сестра-настоятельница хотела, чтобы у меня было светлое будущее, поэтому назвала меня Чжун Мин.

— А, вот как? — Ли Ичжи потёр нос, выглядя немного удивлённым. Имя «Чжун Мин» казалось ему самым обычным китайским именем, он и не думал, что за ним кроется такой смысл. Он моргнул, а затем протянул руку и взъерошил волосы Чжун Мина. — Бедняжка.

Голос его был ласковым, а на лице играла улыбка.

Чжун Мин взглянул на него и мягко убрал руку со своей головы. Оцепенение прошло, его лицо снова стало бесстрастным.

— Я хочу принять душ, — тихо сказал он.

— А, душевая — направо по коридору, — Ли Ичжи покладисто убрал руку и, наклонившись, достал из ящика под кроватью полотенце и кусок мыла. — Вот, держи.

— Спасибо, — Чжун Мин взял вещи. Он встал с кровати и посмотрел в окно — на улице была уже глубокая ночь. Он проспал целый день.

Ли Ичжи тоже поднялся и с улыбкой спросил:

— Проводить тебя?

— Не нужно. — Чжун Мин подумал, что Ли Ичжи ведёт себя как школьница, которая боится одна сходить в туалет. Он покачал головой и, закрыв дверь перед разочарованным лицом парня, направился направо по коридору.

Душевую найти было легко: из-под двери валил густой влажный пар.

Чжун Мин, сжимая в руках мыло и полотенце, потянул на себя дверь. Из проёма тотчас вырвался клуб пара, заставив его невольно сощуриться.

И тут он замер. Взгляд его пронзил пелену пара, и впереди проступил высокий силуэт.

Это был Джек.

Он стоял спиной к двери, совершенно нагой. Грязно-золотистые волосы намокли и прилипли к шее, а мощные мышцы перекачивались под кожей при каждом движении.

Чжун Мин медленно распахнул глаза. Его взгляд против воли приковался не к обнажённому телу мужчины, а к его спине, испещрённой многочисленными ранами, старыми и новыми. Они не подавали ни малейшего признака заживления; из зияющих разрывов виднелась тёмно-лиловая плоть. Один шрам, тянувшийся от правого плеча до самого сердца, был так глубок, что сквозь рваные мышцы можно было разглядеть, как в грудной клетке бьётся сердце.

— Кто здесь? — раздался хриплый, низкий голос.

Чжун Мин застыл на месте, глядя, как Джек медленно поворачивает голову и его тяжёлый взгляд впивается в него.

<http://bllate.org/book/15849/1432211>